

Партизанский рейд туринского милиционера П.А. Цыкина

Это было в 1921 году в январе месяце 5-го числа. Я в то время работал в Туринской у[ездной] милиции рядовым красным милиционером и в то же время исполнял обязанности уполномоченного Полит-Бюро по особо-важным поручениям, откуда меня командировали на север под Шаим (Кондинский край) на 500 вёрст от Туринска, сообщив мне подробно о положении дела, что мы находимся в полосе возстаний. И я отправился, вооружившись от у[ездного] ком[итет]а ВКП(б) наганом, браунингом и гранатами. И не доезжая до с. Таборов, мне было известно, что бывшая белогвардейщина и кулачье Таборов ведёт агитацию открыто к свержению сов[етской] власти. и я мер не принял никаких, а поручил члену ВКП(б) Кривоногову Василию наблюдение за указанной сворой и восстановил живую связь через него с Туринском. Дальше настроение населения было хорошее до деревни Назаровой Носовской волости, где мне не стали давать подводы, несмотря на то, что у меня мандаты были тяжолые.

Мною косвенно было открыто, что в д. Назаровой побывала разведка банд и настроила головку. А когда я всё-таки пробрался дальше, в село Гаринское, то там нач.милиции Безденежных ничего ни о чом не знает, что кругом его уже бандитские разведки побывали и настроили кого следует к свержению власти и захвату Советов. И вообще вся милиция района играет на гармошках и песенки поёт, а между прочим в этом же селе Гаринском имелось отделение по лесному делу под названием Центросоюз, в котором ежедневно были совещания совместно с бандитскими агентами. Проверив и взвесив настроение и дух революционности среди милиции, я двинулся дальше до Кашмаков. И в то время, дабы не быть до времени раскрытой целью моей поездки, у меня имелся ещё документ особо уполномоченного по созданию пятидворок и развёрсткам. В Кашмаках в то время работал прикрепленный из Туринска член ВКП(б) Сеницын Иван Семёнович, которого я и направил по Пелыми с наказом через 3 дня вернуться, не открыв ему ни о чём, а сам остался на день отдохнуть и на второй день двинулся до Пелыми, оставив живую связь до Таборов и Туринска.

Т[оварищ] Сеницын, приехав в с. Пелыми, от кого-то узнал, что разведка банд ползает по окрестностям Пелыми, взял подводу и рекой Тавдой убрался до Назаровой и не сообщил мне об этом. Я хорошо, что поехал вслед за ним, а его там и след простыл, он убрался в Туринск и сообщает, что в Пелыми бунты крестьянские. А между прочим ещё до бунтов и намёков нет. И вот мною был командирован из Пелыми милиционер Кряклин Василий в с. Шаим на 100 вёрст от Пелыми узнать настроение населения. И поручил ему захватить с собой местных красноармейцев из заградительного отряда (их

было 5 чел.), не сообщив им в чём дело, так как сообщить до времени было нельзя, потому что они 2 красноармейца и Кряклин занимались пьянством и путались с деревенскими девушками, в виду чего могли проболтаться и провалить всё дело. Наказ им дан был в Шаиме больше 12 часов не жить, а двигаться обратно и как можно скорее. Но прошло 5 дней, а их как не бывало. А ко мне на помощь прибыл из Туринска из частей гарнизона под видом закупки фуража Кайдаулов Фрол, которого я и направил в Шаим на выручку или [для] выяснения сути дела. (Но я чувствовал, что с ними не благополучно). А сам отправил сводку с нарочным в Туринск [и] поехал следом за Кайдауловым, и доехав до деревни Ерёминой, мне Кайдаулов Фрол попадает встречу и сообщает, что в д. Ерёминой выставлены караулы и находится 5 чел. вооружённых, в том числе милиционер из Шаима Лаптев, который присоединился к Бандам, и провели митинг в Ерёминой об уничтожении коммунистов и красноармейцев, и арестовали нашего Кряклина и 2-х красноармейцев, посадив их под караул в холодный амбар, поручив охрану их местным кулакам, а сами отправились чай пить к Вискунову Фёдору, а после чая учинить суд над пленными: или перетянуть их к себе, или разстрелять.

Больше делать было нечего, как старый партизан с 1906 года я не разтерялся и сообразил, что действовать нужно иначе. Обнявшись, расстегнув пуговицы полушубка (я ездил в крестьянской одежде), якобы пьяные, направляем мою лошадь мимо того амбара, где арестованные, и преворотив лошадь к амбару, якобы ничего не знаем. Я сразу охранников взял на прицел под наган и скомандовал им руки вверх, а Кайдаулов открыл дверь амбара, освободив пленных, которые забрали берданки от охранявших их, заскочили к нам в сани, и мы все дали залп и угнали по направлению в Пелынь.

В Пелыни я не нашол никого. Все партийцы и волисполком услышали, что в Ерёминой банды, сбежали в Кашмаки, а также сбежал мой заместитель красноармеец Зимин. Приехав без останову в с.Кашмаки, и там никого нет. Милиционер мною оставленный Лушников тоже поднял панику, что мы уже убиты, и Пелынь занята белыми, эвакуировался в с. Гари и там взбудоражил всю милицию, в том числе и начальника милиции Павла Безденежных, который вместо того, чтоб собрать надёжных людей и двинуться нам на помощь, направляется эвакуироваться в Надеждинские заводы. И не успеет ли мы 20 минут, их бы след простыл, а Центросоюз уже готовил возстание. Захватив своих на ходу к отъезду, мне немало пришлось потратить энергии и убедить их, что опасности ещё нет, а только паника, посеянная нашими врагами.

Убедив их в этом, я сообщил нач.милиции Безденежному, что нужно разослать нарочных немедленно по всему району (а район на 500 вёрст) и стянуть всю милицию, а также членов партии и более преданных беспартийных. Которых собралось всего навсего 33 человека и с имеющимся

у них оружием. А пока они собирались, по моему распоряжению все технические работники и правление Центросоюза были арестованы, которых не выпускали из канцелярии 10 дней. Написали за их штампом несколько документов, скрепили ихней печатью и заставили правление подписаться к документам, под видом сена купить в Шаиме, лес охранять, подводы нанять и проч. И таким образом в глубокий тыл противника нами были посланы контрразведчики, из них один всех храбрей всё время поддерживал с нами связь и сообщал через секретных нарочных, что творится у противника в тылу. Это продработник командирован мною с Центросоюзским билетом т[оварищ] Ивашкеев.

А когда наша братва собралась в количестве 33 чел., устроили совещание или военных совет при закрытых дверях, где я и объявил всем цель приезда на север. И сообщив суть дела, тогда мы решили до прихода регулярных войск на помощь действовать самостоятельно, избрав боевую тройку, в которую выбрали членом и меня. Предом¹ остался Безденежных, и заведующим продуктово-фуражным делом и квартирмейстером Горбунов Семён, а я как старый и опытный партизан остался заведующим военно-оперативным отделом, а также и контрразведкой.

Но раньше, чем приступить к делу, мной был брошен клич своему отряду: "Кто трусит, лучше сейчас нас оставь, иначе будешь нам мешать". И в результате нашлись двое: милиционер [Пияйкин]² и какой-то из крестьян, которых я и использовал для тыловой связи с Туринском. А сами, переодевшись в чалдонскую форму, двинулись с глубокой контрразведкой, всё время поддерживающей связь. Оружия у нас было только 4 револьвера, 4 гранаты, 6 винтовок трёхлинеек и остальные охотничьи ружья. Патрон тоже почти не было. А по данным разведки противник был в числе 350 челов., но разбросанных в разных местах, и нас не ожидает, и надеются, что с милицией справятся, а население сопротивление боится оказывать. И получили мы сведение, что наших 3-х коммунистов в Конде утопили, которые ездили по рыбу и не знали, в чём дело.

И вот со своей горсточкой не торопю, но по старой привычке я двигался вперёд, разными путями поддерживая связь, и всю контрразведку противника в числе 100 человек выловил. И эта разведка была не из рядовых каких-либо людей, а из самых зажиточных и торговцев, которые имели документы на руках за подписями начальника северного правого фланга Тобольской Народной Армии Попова и Командующего Народной Армией Желтовского. И в документах значилось, что поручается им мобилизовать людей, лошадей для обоза и Армии, фураж и продукты, и всех сопротивляющихся разстреливать на месте. И к ним присоединились коммунисты из дер. Болиной Кузнецов Михаил (впоследствии нами

¹ Председателем

² Фамилия неразборчива

разстрелян), кулак Албычев (из д. Албычевой Гаринского р[айо]на), Вискунов из д. Вискуновой (работавший от упродкома). Как эти, так и им подобные нами уничтожались на месте и без шума мы их топили живьём в ночное время, так как охранять некому и сопровождать некому, и население окружающее об этом не знало. Так же был утоплен живьём Пелымский поп, который служил секретарём в волости и поддерживал связь с бандитами, сообщая им, сколько нас в отряде и чем вооружены, и эта переписка была нами перехвачена.

В числе 31 в моём отряде участвовала одна женщина, которая в контрразведке погибла от бандитских пуль вместе с лошадей. А когда нами контрразведка ихняя была уничтожена, мы двинулись вперёд к Шаиму, где засели регулярные части совместно с Казымцами в д. Малый Шаим в количестве 100 чел., которых нам выбить не удалось, несмотря на то, что с Надеждинских заводов к нам милиция пришла на помощь в числе 7 челов под командованием тов. Воротинова. Таковой получил ранение в ногу в наступлении на ледяные окопы в Малом Шаиме. Но во вторую конратаку мне пришлось с 2-мя татарами, рабочие Надеждинских заводов сын и отец Еремеевы (храбрые бойцы), проникши в тыл в 12 ч. ночи, мы при помощи гранат произвели панику и пожар в двух засевших домах бандитов, которые в панике бежали в лес, даже оружие бросили. И в эту ночь нами троими было уничтожено 45 человек. С нашей стороны сын Еремеева ранен легко в ногу. Но так как противник численностью больше нас и бежал, нам преследовать их не пришлось, потому что они все на лыжах, а у нас никто не может на них ходить. И мы отошли по направлению к д. Ерёминной. И когда стали подходить, то нас обстреляли из лесов, и мы с боем проббили дорогу и отошли к Пелыми. И пока собирались с силами и подкреплялись, и советовались, что нам предпринять дальше, к нам пришёл на помощь Баталион из Свердловска регулярных войск, вооружённых с ног до головы, и 45 ч. лыжников, которым мы и передали командование. И сами двинулись с ними вместе на д. Ерёминское, где противник сосредоточил все силы в числе 288 ч. и хотел двигаться вперёд, и надеялся нас раздавить, но окружённый со всех сторон был уничтожен весь. А командир Севернаго праваго фланга Попов попал нам в засаду с т. Зыковым, комсомольцем, он же доброволец моего отряда (из дер.Зыковой Зыков Фёдор, парень 15 лет), с которым мы вместе ухлопали Попова. Я попал из нагана в лоб, и он ни разу не дрягнулся, а Зыков из берданки разрывной пулей в живот. Оружие мною отнятое от Попова 16-зарядное бельгийское ружьё мною сдано в Рев[олюционный] музей в городе Самара в 1925 году через истпарт по сборанию материалов.

Я теперь проживаю в с. Слободо-Туринском Ирбитскаго округа. Работаю по сырьевым заготовкам, состою сотрудником газеты "Правда". От роду мне 51 год. При царизьме сидел в одиночке около 2-х лет и сослан в Тобольскую губернию Туринский уезд за принадлежность к Крестьянской Боевой дружине в 1906 году (справка в Самарском Архивбюро при Губкоме,

Облкомме и в рев.музее). Из нашей семьи в период гражданской войны погибло в боях с чехо-словаками 6 человек в разных местах (справка в Самарский Обл.рев.музей и Архивбюро)

Цыкин Павел Алексеевич
27 октября 1929 г.

В указанных мною боях участвовал Лавров Иван, работает в Церабкопе Ирбит, и Урусов Фёдор из д. Урусовой Благовещенского или Туринского района, и поддерживающий с нами связь мой ставленник как комендант с. Таборы Кривоногов Василий.

Цыкин
27/X-29

У противника план нами был раскрыт следующий: они шли на Свердловск, поднимая массы по трём направлениям. На Туринск через Тавду, на Тюмень через Ялуторовск и по двум путям через Пелымь и Верхотурье и везде были биты. И их разведку после боёв долго ещё где одного, а где 2 вылавливали. И были прокламации под заглавием "С нами Бог! Да здравствует Сов.власть! Долой коммунистов!" А многое ещё позабыл.

Цыкин

ЦДООСО.Ф.41.Оп.2.Д.218.Л.32-42.